

КОРОЛЕВА
мистического
РОМАНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Вечность, или Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Гостья, или Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Паломница, или Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний
Вранова погоня
Сердце ночи
Лабиринт Медузы
Темная вода
Снежить
Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака

ЦИКЛ «ТАЙНЫ СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью
Приди в мои сны
Сердце зверя
Проклятое наследство
Змеевы дочери
Зов серебра

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

У САДЬБА
ОЖИВШЕГО
М РАКА

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Дизайн обложки *К. Гусарева*

Редактор серии *А. Самофалова*

Корсакова, Татьяна.

К69 Усадьба ожившего мрака / Татьяна Корсакова. —
Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-159268-4

Они объединились, чтобы уничтожить упыря-экспериментатора Отто фон Клейста, обосновавшегося в старинной усадьбе Гремучий ручей. Их всего несколько человек, да еще жуткий трехголовый пес, порождение мрака и верный слуга девочки Танюшки. Она — потомок сверхлюдей, и потому вампир фон Клейст похитил ее. Этой маленькой фройляйн предназначена настолько ужасная миссия, что ни ее друзья, ни красавица-актриса и подпольщица Стелла, ни командир партизанского отряда Головин не пожалеют своих жизней, чтобы спасти Танюшку из плена фон Клейста. Но под силу ли людям бороться с не-человеком?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159268-4

© Корсакова Т., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Власу казалось, что он сходит с ума. Сосредоточиться никак не получалось. Сосредоточиться и принять творящееся вокруг как реальность, а не как страшный сон. Рядом, совсем близко, захлебывался собственной кровью Зверобой, а он не мог ни помочь, ни облегчить мучения. Он должен был остановить зло. Вот это рядящееся под рубаху-парня зло, которое смотрело на Власа с удивленной насмешливостью.

— Я сказал, не приближайся к ним!

Влас покрепче перехватил автомат, хоть и подозревал, что идти с автоматом против... этого — пустое дело. Или не пустое, а гиблое? Видел он и скорость, и ловкость, с которой орудовал Гриня. Это была нечеловеческая скорость и нечеловеческая же ловкость. Вот так-то...

— Стоять, — сказал Гриня ласково, но в то же время строго. Ему, Власу, сказал?

— Батя? — А это Митяй. Еле держится на ногах, но все равно держится, рвется к тому, кто больше не его... батя.

— И ты, парень, стой! — Не хотелось указывать на него вот так, автоматным стволом, но если по-другому никак, что ж остается? — Все стоим, не рыпаемся!

— Не рыпаемся, товарищ следователь. — Гриня улыбался, и в голосе его слышалась покладистость. Вот только останавливаться он не собирался. Медленно, шаг за шагом, Гриня приближался к Власу. Хорошо хоть, что не к пацанам. — Вот видишь, даже руки поднял.

Он их и в самом деле поднял, но двигаться не переставал. И смотрел не на Власа, а куда-то поверх его плеча. Как же хотелось обернуться! Аж между лопаток зачесалось. Но нельзя, его на такой детский трюк не возьмешь.

А Зверобой перестал хрипеть. Отмучился...

— Влас Петрович, что вы делаете? — А это Всеволод. Всеволод всегда казался Власу рассудительнее Митяя. До тех пор, пока не надумал сбежать из отряда, ограбив арсенал.

— Что я делаю?

А и правда, что он собирается делать? Или другой вопрос поважнее будет? Что собирается делать Гриня?

Отвечать не пришлось. Даже с мыслями собраться не пришлось. Влас шкурой почувствовал, что за его спиной кто-то есть. Вот на этого кого-то и смотрел Гриня, смотрел и улыбался. Обернуться? Может, если быстро, если рывком, так и получится?

Что получится, Влас и сам не знал. Знал он лишь одно, что вот прямо сейчас оказался между двух огней. И еще поди угадай, какой огонь страшнее.

За спиной зарокотало, а затылок опалило таким холодом, что онемела шея.

— Горыныч, — сказал Гриня все тем же одновременного строгим и ласковым тоном. — Не надо, сами разберемся.

Да, вот это правильное решение! Разбираться нужно самому. И как можно быстрее, потому что если за спиной у него сейчас стоит упырь, то все... каюк.

Влас развернулся с максимальной стремительностью, всем корпусом, наставляя автомат на неведомого врага.

Враг и в самом деле оказался неведомый. Неведомый и невиданный. Из темноты на Власа выступало черное чудовище о трех головах. Две головы были псы, а третья... А третья болталась на шейных позвонках, клацала челюстями,

зыркала красным из черных провалов глазниц. Вот тебе и оборотень... мало было упырей...

Чудище тихо рыкнуло, хлестнуло узким, похожим на кнут хвостом, и тонкая березка переломила пополам. Влас попытлся, передернул затвор. Осознание того, что эту красноглазую тварь пулей не зашибить, было таким же четким, как и осознание того, что теперь-то ему точно каюк.

По плечу вдруг деликатно похлопали.

— Товарищ командир, — сказал Гриня ласково. Сначала сказал, а потом врезал кулаком в висок с такой силой, что и без того темный мир сделался невыносимо черным и схлопнулся под яростный рык красноглазой твари...

...Сколько длилось это похожее на смерть забвение, Влас не знал. Наверняка он знал лишь одно: он до сих пор жив, раз так сильно, почти невыносимо болит голова. Застонать бы, завывать на манер той красноглазой твари...

Воспоминания о твари окончательно привели Власа в чувство. Окружающий мир посветлел, но не сильно. Света хватило ровно на пяточок вокруг старой буржуйки. Вот на этом пяточке, прямо на земляном полу, Влас и валялся, связанный и обезоруженный. Он валялся, а Гриня сидел рядышком, наблюдал.

— Очнулся? — спросил все тем же обманчиво-вежливым тоном.

И как только понял? Влас, как очухался, не шелохнулся, не вздохнул, а темное нутро землянки изучал из-под почти сомкнутых век.

— Да знаю я, товарищ командир, что очнулся. Хватит Ваньку валять. Разговор у меня к тебе есть.

Разговор есть. Как любопытно и как неожиданно! Но раз он до сих пор жив, значит, и в самом деле есть разговор.

Влас открыл глаза, осмотрелся, теперь уже не таясь. Его приволокли в крошечную землянку, в которой и двоим-то не развернуться. Двоим не развернуться, а набилось в зем-

лянку четверо. Митяй лежал на единственном топчане с закрытыми глазами и в слабом свете свечи выглядел совсем больным. Рядом на табурете притулился Всеволод. Этот, кажется, дремал. Если не...

Влас уставился на Гриню.

— Все в порядке, — сказал тот шепотом, а потом вдруг добавил: — Я надеюсь.

— Чей схрон? — спросил Влас так же шепотом, хотя больше всего на свете ему хотелось спросить, куда подевалась трехглавая тварь.

— Мой. Еще с довоенных времен. Выйдем? Разговор есть.

Гриня встал сам и помог встать Власу, дернул за ворот куртки.

— Разговаривать так будем? — Влас обернулся на свои связанные за спиной руки.

— Там решим. — Гриня уже подталкивал его к выходу из землянки. — Пойдем, Влас Петрович, разговор у нас будет не для посторонних ушей.

На ребят он глянул с вполне себе человеческой тревогой. Да только Власа больше не проведешь.

Снаружи было темно, сыро и холодно. Кажется, наступила ночь. Влас огляделся, но в темноте толком ничего не разобрал. Хотя, сказать по правде, искал он только одно — красные огоньки, которые были у трехглавой твари вместо глаз.

Гриня прислонился спиной к стволу старого клена, закурил.

— Будешь? — Он протянул папиросу Власу.

— Буду. Развяжешь?

— Нет. Извини. — Гриня сунул папиросу ему в рот, чиркнул спичкой. Влас с наслаждением затянулся.

— Я думал, такие, как ты, не курят, — сказал, сжимая папиросу зубами.

— Какие — такие? — Гриня тоже затянулся и тоже, кажется, с наслаждением.

— Упыри.

Вот он и сказал то, что думал, то, что казалось еще более невероятным, чем трехглавый пес. Сказал и приготовился к смерти. Может, быстрой и легкой, а может, мучительной и медленной.

— Давно догадался? — Убивать Гриня его не спешил, зато разглядывал очень внимательно. Власу показалось, что в темноте его глаза тоже светятся. Как у кота в свете фар. Наверное, в самом деле показалось.

— Странности замечать стал еще в отряде, а окончательно все сложилось уже там... на полянке, когда ты своих же в капусту...

Захотелось сплюнуть себе под ноги, хоть как-то продемонстрировать свое отвращение, но Влас не стал, побоялся уронить папиросу, поэтому просто скривил губы в многозначительной ухмылке.

— Про своих это ты зря, Влас Петрович. Мои все там. — Гриня кивнул в сторону землянки. — А те, что на полянке, уже не люди... были.

— А ты, значит, человек?

— А я не знаю, товарищ командир. Может, уже и не человек.

Гриня глубоко затынулся, прикрыл глаза. Вот если бы прямо сейчас вот в этот самый момент боднуть его головой в живот... А дальше что? Видел он, с какой скоростью и с какой ловкостью двигается Гриня. И красноглазую тварь о трех головах тоже видел. Если уйдет от упыря, то не факт, что уйдет от твари.

— С парнями все в порядке? — Хотелось спросить о разном, а вот спросил о том, что было самым нормальным и самым привычным из всего происходящего.

— С Севой нормально, а Митяй... — Гриня открыл глаза. В глазах его была боль и не было упыриной черноты. Ногти, кстати, тоже были самые обыкновенные, лишь с черной каемкой грязи. Влас успел разглядеть эту каем-

ку в свете красного огонька папиросы. — Митяй потерял много крови.

— Как?

— Так! — сказал Гриня и скрежетнул зубами. Крепкими, белыми — не упыринными. Кажется.

— Его покусали?

Гриня кивнул.

— Ты?

— Охренел?! — К скрежету добавилась не злость даже, а ярость пополам с обидой. — Я его отец, и вообще я никогда...

— Никогда — что?

— Никогда — никого! Ну, пораскинь мозгами, похож я на тех, с полянки? Хочешь, зубы тебе свои покажу?

— Не надо.

А мозгами он уже давно раскинул. Что-то не укладывалось происходящее в голове.

— Ты видел, как Зверобоя порвали? — Гриня не спрашивал, Гриня знал, что видел, поэтому Влас даже отвечать не стал. — Ты видел, как они действуют? Как зверье. Голодное, безмозглое зверье.

— А ты не такой?

— А я не такой. Пацаны живы. Ты, Влас, жив. Вот и скажи, такой я или не такой?

— Из тебя больше десятка пуль Зосимович достал. И все удивлялся, как такое может быть! Это ты уже тогда, выходит?..

— Выходит, так.

— Это в Гремучем ручье, да? — Вот Влас и спросил то, что все время хотел спросить. — В усадьбе тебя таким... сделали?

— Почти. В лощине. Попался я... как кур в ошип, попался, товарищ командир. Прямо в лапы одному из них. Думал, все — конец мне. Думал, сдохну. Да что там — думал! Боженьку молил о смерти! Да только, похоже, отвернулся

боженька от таких, как я. Вот, видишь, до сих пор землю топчу.

— И что теперь? — Глупый вопрос, почти детский. — Как ты со всем этим... — И ведь слов правильных не подобрать.

— Что я жру, ты хотел спросить? — усмехнулся Гриня. — Не закусываю ли безвинными младенчиками?

Влас молчал. Что на такое сказать?

— В отряде твоём никто не пропал, не захворал?

— Нет. — Влас понимал, к чему клонит Гриня.

— И с... Лидой все хорошо?

— Насколько мне известно. Ладно, Гриня, рассказывай, как есть. Меня уже, кажется, ничем не удивить.

— Зайца сожрал, — сказал Гриня шепотом. — Когда совсем невоготу стало, вот тогда и закусил безвинным.

— Зайцем закусил?

Кто бы мог подумать, что от этого вот дикого признания ему станет легче на душе! Заяц — это тебе не младенец.

Гриня в ответ молча пожал плечами. Папироса догорела, опалила кожу жаром. Влас разжал зубы, носком сапога загасил бычок.

— А потом сразу отпустило. Верить, в глотку тебе вливаться мне совсем не хочется. Ни с голодухи, ни вообще.

Как ни странно, а Влас верил! Может, от безвыходности ситуации, а может, от дикости всего происходящего. С упыриной Грининой сутью они как-нибудь разберутся. Ведь сам Гриня до сих пор умудрялся разбираться. Сейчас нужно было спросить о другом.

— Кто это был? — спросил и многозначительно огляделся по сторонам. — Тот самый оборотень, про которого рассказывал Зверобой?..

— Можно и так сказать. — Гриня усмехнулся. — Это Горыныч. Ну, мы его так зовем.

— Мы?.. — Час от часу не легче! У красноглазой твари, оказывается, есть кличка. И это «мы»...

— Я и ребята. Сева, Митяй и Соня.

— Они тоже его, того... знают?

— Ну как знают? Горыныча по-настоящему, думаю, даже мама родная не знает, но встречаться с ним ребятам доводилось. Да ты не переживай, Влас Петрович, если он тебе тогда башку не откусил, так и сейчас не тронет.

— Почему?

Снова захотелось курить, аж засвербело внутри.

— На! — Гриня сунул ему в зубы папиросу. Словно мысли его прочел. Или в самом деле прочел? — Да не смотри ты на меня так. Это ж очевидные вещи, для этого не нужно быть упырем.

Возле самого лица вспыхнула спичка, отражаясь двумя красными огоньками в Грининых глазах. А потом Гриня тоже закурил. И сказал, глубоко затянувшись:

— Мало в жизни нынче осталось удовольствий. Есть могу, пить могу, а вот чтобы любить это дело, как раньше, — нет такого. Из прошлого чувствую вкус курева и вина. Даже самогон не в радость. Представляешь?

Влас представлял. Он бы даже посочувствовал. При других обстоятельствах. Но сейчас ему было не до гастрономических страданий Грини.

— Почему зверь меня не тронет? — повторил он свой вопрос.

— Потому что ты со мной. Считаю, под моей защитой.

Под защитой упыря! Под защитой упыря от трехглавой твари. В страшном сне такое не приснится.

— Я гляжу, ты быстро свыкся со всем этим...

Гриня взмахнул рукой с зажатой в ней папиросой.

— Выбора другого нет.

А ведь и правда. Какой у него оставался выбор? После всего увиденного и не в такое поверишь.

— И как тебе информация? — Гриня смотрел Власу в глаза. Нормальным человеческим взглядом смотрел, но волосы на загривке все равно зашевелились.

— В штаб о таком не доложишь, — сказал Влас задумчиво.

— Вот и я так думаю. В штаб не доложишь, но делать что-то все равно нужно.

— С чем делать? Откуда все эти... люди?

— Из Видова. Добрая половина на той поляне — мои односельчане. Из тех, кто от карателей ушел. От карателей ушли, а от упыря, выходит, не смогли.

— От какого упыря? — Вот и проснулся в нем следователь. Давненько не высывался. — Есть какой-то конкретный упырь, от которого они становятся вот такими?

— Думал, больше не осталось. Выходит, ошибался.

— Так, Гриня, не темни! Рассказывай!

А в том ли он положении, чтобы требовать у упыря, твари смертельно опасной, разъяснений? Но ему ведь в самом деле нужно знать.

— А давай мы с тобой, Влас Петрович, заключим сделку. Так сказать, джентльменское соглашение. — Гриня улыбнулся. Вот только улыбка у него получилась невеселая. — У меня в этом деле свой шкурный интерес имеется, но и у тебя, я же вижу, тоже осталось какое-то дельце в Гремучем ручье. Пока не понял, чего тебя туда так тянет, но про усадьбу я знаю побольше твоего. Глядишь, помогу.

— А взамен что? — Предложение, если разобраться, было дельное. Если отбросить в сторону тот факт, что Гриня никакой не джентльмен, а самый настоящий упырь, который не так давно сожрал зайца.

— А взамен ты нам поможешь. Мне и пацанам. С Митяем нужно что-то делать, а я пока не знаю что. К врачу ему нужно. До Зосимовича далеко, значит, придется тащить в город. А в городе, я так понимаю, знакомцы у тебя всякие водятся. Доктор точно должен иметься.

Доктор у Власа имелся. Старый, еще старше Зосимовича. Старше и осторожнее. Обращаться к нему можно было

лишь в самом крайнем случае. Наступил ли этот крайний случай? Власу думалось, что наступил.

— Ну? — Гриня хмурился.

— Как будем до города добираться?

— Мои заботы. Что решил, товарищ командир? Принимаешь ты мои условия?

Выбора у него особого не было, да и желания тоже. Гриня хоть и упырь, но ведет себя пока вполне нормально. На вот этом «пока» Влас решил не заикливаться.

— Принимаю, — сказал и выплюнул догоревшую папиросу.

— Как приятно не разочаровываться в людях! — Гриня вытащил нож. Влас отступил на шаг. — Да не переживай, товарищ командир, руки тебе хочу развязать.

Гриня обошел его со спины, проверил крепость пут, а потом прямо на ухо шепнул:

— Еще одно условие.

Влас ничего не ответил. Он боролся с желанием обернуться. А еще боролся со страхом, что обернется, а позади себя увидит уже не того Гриню, с которым всего пару мгновений назад заключил джентльменское соглашение. Вместо этого Влас закрыл глаза и последнее условие Грини слушал вот так, зажмурившись.

— Они не знают, — сказал Гриня шепотом. — Пацаны мои не знают, что я вот такой.

В голосе его послышалась такая боль, что Влас открыл глаза и обернулся. Он обернулся, но Грини позади себя не увидел. И веревка на запястьях уже была перерезана.

— Вот пусть так и остается. — Теперь голос Грини доносился из темноты справа от Власа. — Пока я не решу, что мне со всем этим делать.

— Или пока не вопьешься в глотку одному из них, — сказал Влас шепотом. Зря, наверное, сказал. Нельзя вот так с упырями. Но Гриня не обиделся и не разозлился.

— Есть такой риск, — сказал он с горечью. — Вот на этот случай ты и пригодишься, Влас Петрович. Если вдруг я начну того... сходить с ума, ты меня убьешь. Только тебе одному я могу доверить такое важное дело.

Гриня выступил из темноты, белозубо улыбнулся. Власу потребовалась вся сила воли, чтобы не отступить ни на шаг.

— Сейчас проведу курс молодого бойца, и будем выдвигаться. Перемещаться нам лучше по темноте.

— Что за курс молодого бойца? — Влас потер занемевшие от веревок запястья.

— По убийству упырей. Пацаны мои уже знают, тебе тоже будет полезно. Убить их... — он запнулся, а потом решительно сам себя поправил: — Убить нас можно несколькими способами. Осиновый кол в сердце — первый вариант, так сказать, классический. Ну и башку снести — второй вариант. Вот эти два наверняка, все остальное, подозреваю, остановит, но не убьет. В голову мне не стреляли, поэтому достоверно не скажу, ну а остальные мои раны ты видел.

Влас видел, специально присматривался, когда они сушились у костра. На Грининых повязках не было даже следа крови. Влас подозревал, что и ран больше никаких не было.

— Ну что, по рукам? — спросил Гриня и руку протянул.

Это было испытание. Или, возможно, последнее третье условие. Глядя в насмешливые Гринины глаза, Влас крепко пожал его руку. Рука оказалась крепкой, ни холодной, ни горячей, вполне себе нормальной.

— У меня тоже будет условие, — сказал он, не разжимая пальцев, не отводя взгляда. — Ты расскажешь мне, что случилось в Гремучем ручье. Про всю эту чертовщину расскажешь.

— Расскажу, — легко согласился Гриня и так же легко высвободил из захвата свою ладонь. А захват у Власа был крепкий. Он и сам был крепкий, хоть и невысокий. Как говорится, мал да удал. Не сработала удаль с упырем. Упырь оказался удалее...